

Василий Заботин

**Форс-мажорные
рассказы от первого
лица**

Москва, 2013 г.

УДК 82-3
ББК 84(2РОС=Рус)84
312

Заботин В.

312 Форс-мажорные рассказы от первого лица : рассказы / Василий Заботин. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 104 с.

ISBN: 978-5-518-39931-0

УДК 82-3
ББК 84(2РОС=Рус)84

© В. Заботин, 2013
© Lennex Corp., 2013

Предисловие

Рассказы профессионального медика о сравнительно недалеком прошлом и настоящем уведут читателя в единый мир необычных индивидуумов и ничем не примечательных, усредненных членов человеческого сообщества, нашедших себя на одном для всех, пути в Никуда.

Такие люди для окружающих всегда любопытны и познавательны как нечто отличное от них самих и в разной степени доступное для подражания или отторжения. А грезы и поэтические ассоциации вокруг этой земной круговерти только помогают ее осмыслить, понять и, в конце-концов принять как должное и волею судеб уже состоявшееся.

Прочитав эту парамедицинскую прозу как-то начинаешь кожей чувствовать эфемерные в окружающем нас жизненном пространстве: чистейшую одухотворяющую романтику и возвышающуюся над будничной серостью и скукой нетленную поэзию.

А при прочтении «под настроение», на лирико-драматическом психоэмоциональном фоне, некоторых рассказов из этой его, весьма немногочисленной очередной серии, мне лично хочется не плакать – нет! А реветь белугой. Но это, скорее всего, только лишь образная поэтическая метафора в мозаике как гвоздями прибитых к спрессованной вербальной круговертью фабуле – знаковых стихотворных вкраплений.

Органичный сплав вибрирующей эмоциями, чувственной беллетристики с вознесенной над одним на всех пасконным миром окрыляющей душу поэзией.

Эльвира Серая, поэтесса

Хамло беспардонное

*Сашеньке С., моей мимолетной
очаровательной музе, посвящается*

«Хамло беспардонное» – так называла меня жена, чутко прислушиваясь к моим телефонным разговорам с разными женщинами.

Собственно, вслушиваться в мою телефонную болтовню она могла только дома и в те редчайшие наезды, когда она по разным семейным неотложным делам появлялась в моём служебном кабинете.

А работал я врачом-психотерапевтом в одной из московских многопрофильных клинических больниц, славившейся образцовой организацией лечебно-диагностического процесса.

Мой кабинет располагался «на отшибе» – в цокольном этаже десятиэтажного больничного корпуса и был значительно удалён от остальных служебных и рабочих помещений, где неспешно и плавно осуществлялась повседневная жизнь врачебного и сестринского коллектива, слегка омрачаемая разного рода неурядицами в лечебном процессе.

Появляясь в коридоре, на подступах к моему кабинету, жена инкогнито, вольно или невольно, слышала мои разговоры по телефону, потому что голос у меня был довольно зычный, а стенки и дверь самого кабинета – абсолютно звукопроницаемы. И даже резонируемы из-за своей ветхости и малой толщины.

И она всегда заботливо предупреждала меня: «Ори тише, а то сотрудники услышат и будет очень неудобно».

В этом последнем она была абсолютно права, потому что телефонное, и личное тоже, моё общение с женским полом почти всегда проходило не просто так, как у нас говорят – спонтанно, а по моей, волею судеб разработанной и обкатанной методологии.

Всё дело в том, что настоящему и уважающему себя мужчине с бабьём всегда следует общаться и иметь дело с обязательным включением подкорки, на уровне их сексуальной ориентации и типизации по Фрейду.

Женщины – существа нежные и, как правило, очень двуличные. Им, когда хочешь привлечь к себе интерес и внимание, или даже завлекательно понравиться, – подавай для этого обязательные скабрёжности, выпадающие из привычного для них культурно-вежливого серовато-размеренного жизненного уклада и возвышающиеся над обычным, привычным для них, жизненным фоном.

Им подавай яркие, желательно цветозвукозависимые (по профессору Спажетину), чувственные всплохи и психоэмоциональные всплески. Лучше всего – урогенитального плана и эректильно-зависимой направленности. Но обязательно завуалированные и вначале иносказательные. Но при этом непременно доступные для их понимания и оценки. Необязательно, но желательно, – общественные.

А уж на этой уже достаточно прочной, основе можно и нужно переходить на открытый текст, слэнг или мат, который женщины тайно приемлет и уважают. Хотя делают вид, что всё это впервые в жизни слышат и шокированы такими ругательными и, фи! – нецензурными выражениями.

Но всегда при этом помнят и симпатизируют мужчине, их произносившему специально для их нежного и любвеобильного слуха.

Особое впечатление этот отработанный приём производит на женщину при первом знакомстве с лицом мужского пола.

Но годится также для использования на любых этапах контактного с женщинами общения.

Приёмчик невольно создаёт прочную платформу для дальнейшего, часто весьма продолжительного и прочного, взаимодействия по интересам. Тут только чётко нужно соблюдать разделительную грань между милой скабрёжностью и откровенным хамством.

Помню свой первый удачный «экзерсис» в этом плане. Я тогда ещё не был сертифицированным психотерапевтом и только проходил стажировку и первичную специализацию по психотерапии у известного психиатра и гипнолога профессора Рожнова. Из его лекций для аспирантов и ординаторов я почерпнул и вынес эту свою чрезвычайную многообещающую идею адаптированного к мужскому укладу общению с женским полом причёсанного и приглаженного мной фрейдизма.

И впервые опробовал её на молоденькой аспирантке профессора, с которой часто встречался в его клинике между своими учебными и рабочими делами.

Я тогда был уже довольно опытный и относительно профессионально подкованный врач с шестилетним рабочим стажем зауряд-хирурга в затрапезной районной, маломощной в отношении осуществления плановой лечебной помощи населению района, одно только название что – больнице.

Работа хирурга в такой захудалой и малопрестижной в глазах высшего медицинского начальства больничке всегда и напрямую связана с периодически над тобой нависающей угрозой потерять оперированного тобой больного. А там – беги, доказывай по инстанциям, что ты не верблюд и что это не по твоему недосмотру и ошибке погиб больной. И давай дальше трепи свои уже до этого основательно потрёпанные и измолчаливые нервы.

Но хуже всего то, что средства массовой информации, наблюдая и фиксируя массовые ошибки мало заинтересованных в работе за предельно низкую зарплату врачей, всё это с воплями и стенаниями, баламутящими народ, сверх всякой меры часто проталкивают в эфир. И тем самым подначивают и подталкивают родственников и знакомых потерпевших от подобной постановки медицинского дела больных, а хуже того – принявших смерть по недосмотру, ошибке или халатности врачей – подавать на медиков в суд, взыскивать с них материальный и моральный ущерб, и всячески понося при этом всю современную российскую медицину в целом.

И при всём том, мизерная зарплата у всех врачей, как ни крути, ни верти, – усреднено одинаковая. А что до хирургической романтики – так я её, эту романтику, в гробу видел.

А увидев в гробу, стал прикидывать – как бы переквалифицироваться и куда лучше податься в номенклатуре врачебных специальностей, прочно существующих под эгидой определяющей трудоёмкости и напряжённости лечебного процесса по формуле «не бей лежачего».

По моему представлению и прикиду, такими специальностями были дерматовенерология, физиотерапия, лечебная физкультура, или как её в шутку образно называют, – «два прихлопа, три притопа», и психотерапия.

Я остановился на последней, сделал свой окончательный выбор и ринулся переквалифицироваться с хирургов – в психотерапевты...

Ни шатко ни валко переобучаясь, я детально доработал и довёл до окончательных кондиций свою приоритетную методику дамского охмурения, я, прямо в клинике великого учителя профессора Рожнова, опробовал её на его аспиранточке – молоденькой и имитирующей женский наивняк Диане Евсеевне.

Поучилось. Она буквально сразу клюнула на мою завлекаловку, и вскорости мы вступили с ней в любовную связь.

Но не в банальную, из тех, которые часто образуются в тесных медицинских коллективах на рабочих площадках, а в какую-то «не ту», а особую. Во-первых, чего я уж никак не ожидал, она оказалась девственницей (!), а во-вторых, она втюрилась в меня до умопомрачения.

А у меня тогда была крепкая семья: жена не красавица, но симпатичная, приверженная к дому и сыну-первокласснику. И тоже врач, но стоматолог-ортодонт.

Я не знал, как от этой моей Евсеевны отбаяриться, и даже импотента из себя пытался изображать. А она всё не отлипает и не отлипает. Я, видите ли, у неё – первая и настоящая любовь и единственный (пой, ласточка, пой, понимаете ли (вот дура!)) предназначенный ей мужчина.

Всячески пыталась женской мягкостью, пониманием, всепрощением и нетребовательностью (как в учебниках по сексопатологии применительно к эректильным дисфункциям) сладить и победить мою псевдоимпотенцию и восстановить первичную с ней сексуальную гармонию. Словом, пришлось мне, как теперь уже всамделешнему психотерапевту, потрудиться. И она, наконец, от меня навсегда отстала.

Вторым заходом, я на своей новой после обучения у Рожнова, психотерапевтической работе, применил свою методику на медсёстрах.

Снова чётко сработало, и средний медперсонал во мне души не чаял. Всё шло ровно и гладко, но даже – куда более того.

Авторитет мой в коллективе отделения сильно возрос.

А на коллеге – врачихе-психотерапевтичке мой эксперимент не то что не удался, а попросту, провалился.

Но я не был этим обескуражен, а наоборот, расширил своё поле деятельности за счёт женского состава разных московских хозяйственных

служб, офисов и госучреждений. Получалось всё чётко. И там, где можно, прибыльно для меня лично и для моей семьи.

Такого я своей повседневной добросовестной и честной хирургической работой и «в жисть» не заработал бы...

Обычный, ничем особо не выдающийся на государственной службе врач, средних лет, ближе к пожилому возрасту мужчина, я живу самостоятельно и припеваючи. Жаль только, что упустил я своё время в сфере медицинской науки – возраст уже не тот. Да и материальна заинтересованность совсем «не та».

А то был бы я уже кандидатом медицинских наук, а вскорости после этого – и доктором, и профессором.

И трудов-то всего: проплатить в ВАКе сейчас на поток поставленный диссертационный плагиат, и – «дело в шляпе».

Но тут глава Минобрнауки начал шерстить ВАК, СМИ завизжали о сплошных диссертационных компиляциях, выгнали прежнего председателя ВАКа, замеченного попутно и в других хищениях, назначили нового, который ринулся наводить очередной показательный шмон, и я, раз пошла такая котовасия, оставил свои голубые мечты о научных степенях и званиях.

Ну их все эти научные звания в их извечное научное болото! Мне и без них хорошо.

Я, ничтоже сумнящиеся, нашёл для себя, любимого, другую приятную отдушину и ипостась: начал писать стихи.

Вообще-то с рифмой у меня ещё с пубертатного моего гормонального всплёска всё неплохо получалось. Только вот содержание виршей подводило: ни про любовь, ни про быт, ни про политику ничего конъюнктурно-современного и супервостребованного не получалось. Да и народ российский, не в пример советскому, от отечественной литературы с её прозой и поэзией, за редким исключением, совсем отвернулся.

Зачем читать и тратить время, если есть радио, телевидение, кино, театр, видеокнижки, наконец? И, главное, – деньги надо всем зарабатывать, а не книжки читать.

Но, тем не менее, с помощью обработанных мной по моей методике, секретарш редакций, редакторш, а иногда и главредакторинь – не часто, очень редко, но получалось!

Не то, что у остальной разной, моей охмурительной методикой не владеющей, литературной братии. С них редакции литературных журналов и поэтических альманахов теперь, в плане самоокупаемости печатных изданий, – по три-четыре сотни рублей за одну только печатную страничку сдирают: хочешь печататься – гони монету, отстёгивай бабки.

Но смотри после этого не помри с голода, как Александр Блок.

И одно, плюс ко всему утешительно: уж это точно – не расстреляют тебя за твою поэзию как Льва Гумилёва – мужа Анны Ахматовой: «А за окном шелестят тополя: нет на земле твоего короля...»

А с меня в редакциях не сдирают ни копейки, а только в очередь ставят на бесплатную публикацию. Или даже на несказанное моё удивление, – деньги за стихи платят!

Но я, уникальный поэт-психотерапевт, в перспективе очень хочу подладиться под какую-нибудь общегосударственную акцию и написать, скажем, оду про несчастных детей-сирот, которых увезли за рубеж приёмные иностранные родители. Как плохо там, за бугром, нашим милым, несчастным малюткам-соотечественникам без русского хлеба, без русского кваса, без русского говора и без сладкого и приятного дыма родного Отечества! (Ну чем не великолепный образный, поэтический, патриотический, пафосный, от души и сердца одновременно идущий поэтический строй?! Как у Есенина, Маяковского или Велимира Хлебникова: «Кто смеянствует смеяльно! О! Исмейся расмеяльно смехом смейных смеячей-смехачей!» Или: «Чтобы в мире без России и Латвий, жить единым человечьим общежитьем! Маяковский. «Товарищу Нетте – пароходу и человеку»)

А то как бы из этих наших русских малюток за бугром жестокосердные воспитатели не вырастили бы разных террористов типа Джохара и Тамерлана Царнаевых!

И в конце моей супероды – обязательно высокопатриотичный парафраз, ассоциированный со среднерусской весной, с пробуждением от студеной зимней спячки вечной природы и новой, постсоветской российской свободы и демократии.

И всё это – самым последним, заключительным, поэтизированным рефреном. С ностальгическим душком и с обязательным заключитель-

ным образным и основополагающим и вздыбленным в будущее, на годы вперёд восторгом, типа: за прошедшею весной наступает лето. Слава Партии родной за всё за это!

Поэзия – она высокая, зовущая мобилизующая, чистая и благодатная, а не то, что какое-то там приземленное, беспардонное, как в регистратуре районной поликлиники, обхамление – источник бабских гормонально- и цвето-звукозависимых эмоций и нежных чувств!

«Привычка к «Лориган» и к розам. Но этот хлеб, что жрёте вы – ведь мы его, того-с, – навозом...»

Сергей Есенин.

Рассказ мой – быль. Ему – конец.

Мне психологу-поэту – хоть какой-нибудь венец!

За мою честность и откровенность...

В небе над Камчаткой – северная выюга,

В небе над Камчаткою – стыло и темно.

Пусть тебе в нелётный день пригрезится подруга,

Дом, уют и солнышко, светящее в окно.

Это – уже совсем напоследок, на закуску, так сказать, – мои лирические строфы об одном на всех небе, куда мы все, ершистые и покорные, умные и глупые, трусоватые и смелые, всё равно, попадём, как говорят, – после нашего естественного или неестественного конца.

Если только учёные-медики, но не психотерапевты, конечно, не изобретут способ бесконечного долголетия.

А вы, недовольные, между тем, продолжайте твердить: «хамло беспардонное!»